

Не только историческая память: споры о прошлом, настоящем и будущем

Никита Викторович Петров ^{[1], [2]}

✉ nik.vik.petrov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2467-9535

^[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

^[2] Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Для цитирования статьи:

Петров, Н. В. (2024). Не только историческая память: споры о прошлом, настоящем и будущем. *Фольклор и антропология города*, VI(1-2), 7-12. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-7-12.

URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY V. 6. N. 1-2. 2024

Not just historical memory: Debates about the past, present, and future

Nikita V. Petrov ^{[1], [2]}

✉ nik.vik.petrov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2467-9535

^[1] Russian presidential academy of national economy and public administration, Moscow, Russia

^[2] Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

To cite this article:

Petrov, N. (2024). Not just historical memory: Debates about the past, present, and future. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(1-2), 7-12. (In Russian). DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-7-12.

Статьи этого выпуска продолжают линию журнала «Фольклор и антропология города» о памяти в городе. Авторы работ, опубликованных в предыдущих номерах — 2019 года (Т. II, № 1-2) и 2021 (Т. IV, № 1-2), — осмыслили коммеморативные практики города, показывали, как осуществляется пересборка прошлого, анализировали данные архива, собранного в 2018–2021 годы в рамках проекта «Народная история России» (pastandnow.ru).

В этом номере города́, прошлое и историческая память осмысляются через теорию ассамбляжей Мануэля Деланда (сборки разнородных элементов и агентов пространства); утраченное прошлое анализируется через жанры говорения, выделенные Нэнси Рис; релевантной оказывается концепция коммуникативной памяти Алеиды Ассман, которая рассматривает конъюнктуру современной памяти жертв и др. Включаясь в дискуссию о том, как собирать данные о городском пространстве, авторы журнала рассуждают о полезности walk-along (методологии, о которой детально писала Маргарет Кузенбах); отме-

чают важность анализа не только содержания ментальных карт пространства (Кевин Линч), но и последовательности их рисования; рассуждают о возможности имплементации результатов прикладных исследований в научный дискурс.

В центре внимания не только города и районы, но и целые регионы: Ростов-на-Дону, островной Кронштадт, приграничные Печоры, Ивангород и Светогорск, город-сателлит в Гатчинском районе Санкт-Петербурга Коммунар, города Свирско-Ладожского бассейна (Новая Ладога, Волхов, Сясьстрой и Подпорожье), Татарская слобода в Томске, Донбасс.

В работе «Змиёвская балка (Ростов-на-Дону): память о Холокосте в конкуренции жертв» Анна Кирзюк рассуждает о конфликтах вокруг памятного места в Ростове-на-Дону, где администрация активно сопротивляется попыткам местных акторов памяти обозначить Змиёвскую балку как место памяти о самом массовом уничтожении евреев немцами на территории РСФСР (11–12 августа 1942 года в Змиёвской балке под Ростовом было расстреляно от 27 до 30 тысяч человек). Почему так происходит? Анна считает, что попытки обозначить мемориал на Змиёвской балке как место памяти о Холокосте воспринимаются чиновниками и многими рядовыми гражданами как посягательство на статус «мирных советских граждан» в качестве главных жертв войны. Местные чиновники в выступлениях избегают произносить слова «евреи» и «Холокост», не присутствуют на «еврейской» части траурного митинга, отказываются устанавливать плиты с именами погибших евреев непосредственно на мемориале и предлагают активистам разместить их не в публичном пространстве, а в здании гораздо менее посещаемого музея рядом с мемориалом и в синагоге. Отмечу, что в этой статье и на другом материале автор отчетливо показывает то, о чем писал Джеймс Вертш в работе о советском («изгнание иноземного захватчика») и эстонском («утраченная независимость») нарративных шаблонах и конфликтах памяти после переноса памятника советскому солдату в Таллине [Wertsch 2008]. Разница памятей о прошлом у активистов и местной администрации (когда эти памяти организованы в публичные нарративы и действия) становятся более заметны, когда дело касается мемориальных объектов, размещенных в общественно доступном пространстве. Исследование Анны Кирзюк позволяет оценить представление о концепции Холокоста. Эта концепция в Ростове-на-Дону и в современной России плохо вписывается в российский нарратив о жертвах Второй мировой и угрожает символическому статусу, который дает СССР и России роль главного героя и главной жертвы Второй мировой войны. Кроме того, автор делает предположение, что в ответ на каждое последующее обвинение в агрессии Россия будет утверждаться в статусе жертвы, что, в свою очередь, будет отдалять признание классической концепции Холокоста в нашей стране. Материалом для этого исследования послужили глубинные и экспресс-интервью (всего в опросах участвовало 138 локальных экспертов), собранные у жителей Ростова-на-Дону группой, работавшей в проекте «Еврейские

коммеморативные практики и современный культ Победы» в декабре 2020 и в мае 2021 года.

Кирилл Королев на материалах 20 глубинных интервью, собранных весной 2021 года в «закрытом и таинственном», «строгом и парадном», «военно-морском» Кронштадте, говорит о притязании жителей на сохранение особой коллективной идентичности и выделяет четыре реперные точки, вокруг которых происходят дискуссии о праве на город. (1) Кронштадт входит в Санкт-Петербург или это отдельный город? (Спойлер: Петербург гораздо более «штатский», но административно Кронштадт — часть мегаполиса). (2) Город Кронштадт и остров Котлин — единое целое или нет? (Подсказка: город заканчивается там, куда можно «дойти по суше»). (3) Где заканчивается город и начинаются «дикие и неухоженные» выселки? (Подсказка: выселки называются Простоквашино, потому что там «просто квасили» простые работяги). (4) Городу нужны туристы или нет? (Спойлер: для парадного Кронштадта — может быть, а для «семейного и личного» — нет). Смогут ли горожане отстоять свое право на город? Сохранится ли социальное пространство исторического Кронштадта или будет трансформировано в результате застройки и в связи с туристическим развитием города? Будем следить за изменениями, отталкиваясь от наблюдений, изложенных в статье «“Право на город”: Кронштадт глазами горожан». Интервью о городе собирала группа Кирилла Королева, их можно послушать и почитать на портале «Кронштадт: банк памяти города» (<http://patriacenter.ru/kronstadt-memorybank/>).

Наталья Петрова и Василий Воробьев в статье «Печоры: точки пересечения» анализируют интервью, собранные в рамках проекта «Народная история России» (pastandnow.ru) осенью 2020 года на пограничье России и Эстонии — в Печорах. Крайне любопытным представляется замеченная авторами деталь: их восприятие города столкнулось с ностальгическими дискурсами постоянных посетителей и работников местной библиотеки, которые в интервью уводили собирателей в «краеведческое прошлое», рассказывая в отшлифованных «нарративах-пластинках» факты об истории города. На это повлияли ковидные ограничения на собрания в общественных местах, когда жители города с осторожностью относились к контактам с приезжими исследователями из Москвы, а представители и посетители библиотеки откликнулись на призыв «собрать воспоминания о городе». Печоры представлены в статье как (1) пограничная и приграничная территория, где граница оказывается, с одной стороны, дружественной, с другой — опасной (дорога в Европу и потенциально враждебные пограничники); (2) место, где отчетливо различаются пространства для своих и для чужих (печорская районная библиотека vs Псково-Печорский монастырь); (3) город культуры коренных жителей этих мест — сету, эстонской архитектуры, местных печерян и приехавших в середине XX века жить в город «советских»¹. В связи с событиями 2022–2024 годов в России и Европе,

¹ Похожие тексты, собранные в рамках того же проекта (интервью с жителями Калининградской

которые привели к дегуманизации образа иностранцев, интересно будет посмотреть, как восприятие границы изменится в сравнении с 2020 годом: редактируема ли память жителей Печор о соседях и границах в связи с государственной политикой памяти? Здесь уместно вспомнить не потерявшую актуальность статью 1963 года, где авторы говорят о функции устных (в работе — генеалогических) нарративов, заключающихся не в фиксации и передаче исторически подлинной последовательности событий, а в констатации актуальной структуры общества [Goody, Watt 1963]. Посмотреть фрагменты интервью из Печор, используемые в статье, можно на сайте pastandnow.ru, указав в фильтре «выберите место» название «Печоры».

Марина Устинова, анализируя интервью и ментальные карты жителей Татарской слободы Томска, говорит, что основным источником конструирования вернакулярного образа этого места являются не только ассоциации и воспоминания обитателей слободы, но и связанные с ее пространством повседневные практики. В работе «"Такой остров": образ Татарской слободы в Томске у ее местных жителей» исследовательница использует данные 2019 года (17 полуструктурированных интервью на следующие темы: вернакулярные образы, границы, символы слободы, воспоминания и ассоциации, связанные с ее территорией, способы взаимодействия с пространством; ментальные карты). Татарская слобода представлена в статье в нескольких образах.

(1) «Маленькая деревня внутри большого города». Рассказчики описывали ее как старинное, деревянное, дореволюционное пространство, а дома представляли как «живые организмы».

(2) Опасный район в советское время и «бандитский остров» в 1990-е. «Авторитетные хулиганы» и «татарская мафия», по воспоминаниям жителей, облюбовали этот район города.

(3) Мусульманский район, где расположены городские мечети, которые оказываются символами слободы.

(4) Район за истоком реки, что отражено в вернакулярных названиях слободы — «Заисток», «Заисточье».

(5) Район «путевой»: в ментальных картах жители упорядочивают и связывают в геометрическую сеть улицы и переулки района.

В исследовании Марины детально показано, как не только содержание ментальных карт, но и последовательность их составления могут помочь исследователю разобраться в репрезентации пространственного образа района (см. более подробно о применении этой методики [Глазков 2013]).

Ольга Воробьева пишет о прикладных исследованиях в малых городах Ленинградской области, обсуждая проблемы городской идентичности и исторической памяти с опорой на визуальный анализ среды, наблюдение, блиц-интервью с прохожими, глубинные интервью с администрацией, экспертами и жителями (как стационарные, так и ин-

области) анализировала Дарья Радченко [Радченко 2021; Радченко 2023], и было бы интересно сравнить, как работают приграничные и пограничные нарративы Советска и Печор.

тервью-прогулки). Из-за локдауна (март–май 2020 года) большую часть информации приходилось собирать при помощи открытых вопросов количественного опроса и качественных данных, полученных из онлайн фокус-групп и проектировочных сессий (они были проведены в рамках стратегии вовлечения жителей в разработку архитектурного эскиза на конкурсе проектов благоустройства городской среды «Малые города и исторические поселения»). В центре внимания исследовательницы 7 малых городов Ленинградской области: приграничные города (Ивангород и Светогорск), город-сателлит Санкт-Петербурга Коммунар Гатчинского района, города Свирско-Ладожского бассейна (Новая Ладога, Волхов, Сясьстрой и Подпорожье). Наиболее распространенными и важными для жителей этих городов оказываются (1) сюжеты о Великой Отечественной войне; (2) рассказы об индустриальной славе раннего Советского Союза; (3) ламентации об «утраченном рае» советского периода и пришедшей ему на смену «разрухе»; (4) рефлексии жителей о городском статусе своего населенного пункта. Ольга приходит к выводу, что сохранность исторических сюжетов в этих городах связана, во-первых, с попаданием нарратива в «ядро городской идентичности» и, во-вторых, с представленностью его в объектах и топонимах. Историческая память коррелирует с давностью проживания семей в данном городе: чем позже произошел последний массовый приток новых жителей, тем меньше распространенность и разнообразие исторических сюжетов. Ольга делает важное замечание: сохранность исторической памяти имеет обратную корреляцию с демографическим благополучием города — и говорит о том, что прирост населения в городах-сателлитах за счет миграции сильнее «вымывает» локальные сюжеты. В то же время исторические сюжеты более распространены в тех городах, где заметная часть семей живет не первое поколение, иммиграция из других регионов низкая, и в результате наблюдается убыль населения.

Вадим Лурье в работе «Семейные архивы жителей Луганщины» обращается к изучению повседневности через любительские фотографии жителей Донбасса. За два года (2018–2019) и три экспедиции автор оцифровал 50 домашних архивов (14 948 файлов). Верхняя хронологическая граница фотографий — середина 1990-х годов; помимо фотографий Вадим оцифровал документы, вырезки из газет, детские рисунки, письма и т. д. Оцифрованные файлы он загрузил в специализированную базу данных Daminion, назначил файлам ключевые слова (по темам визуального ряда или по метаописанию документа), что позволяет исследователям делать комбинированные запросы к архивам (например: «фото детей в ателье», «школьные фото», «свадьба», «служба в армии», «советский праздник», «похоронное фото» и т. п.). Как пишет сам Вадим, донбасский архив «позволяет проследить как глобальную историю большой страны — с войнами, индустриализацией и т. д., так и личную — историю конкретной семьи, и локальную — историю территории, которая всегда была местом пересечения наций, культур и государств — своеобразным фронтиром». Работа с

подобным образом организованной базой данных поднимает ряд проблем: в частности, насколько при таком подходе, когда профессиональный антрополог/историк объективизирует данные, назначая им теги, сохраняются интенции самих владельцев архивов частной памяти (см. об этой проблеме [Петров 2021])?

В заключение номера — традиционный раздел с рецензиями, в этом выпуске публикуется рецензия на книгу Сергея Мохова (Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники», Common place, 2020). Рецензент Дмитрий Громов пишет не только о содержании книги, но и о концептуальных метафорах («инфраструктура», «поломки»/«сбои», «ремонт»), которые использует автор книги. Совокупность организационных, материальных и нормативно-правовых ресурсов, обеспечивающих процесс похорон или других способов утилизации мертвых тел, называется инфраструктурой. Недостатки инфраструктуры (территориальная удаленность узлов технологической цепочки, слабость материальной базы, юридическая неразбериха, конфликты интересов бизнес-акторов) ведут к сбоям ее работы. Возникновение «поломок» приводит к действиям, компенсирующим их, или к «ремонту» (инфраструктурные проблемы заставляют российские похоронные агентства прибегать к форме действий, основанных на неформальных и личных связях).

Литература

- Глазков, К. П. (2013). Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика. *Социология власти*, 2013(3), 39–56.
- Петров, Н. В. (2021). Цифровые архивы частной памяти. *Шаги / Steps*, 7(1), 29–56. DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-29-56.
- Радченко, Д. А. (2021). С видом на Евросоюз: Практики пограничья в Советске. *Фольклор и антропология города*, IV(1–2), 14–39. DOI: 10.22394/2658-3895-2021-4-1-14-39.
- Радченко, Д. А. (2023). Вещи на границе территорий памяти: между Тильзитом и Советском. *Этнографическое обозрение*, 2023(6), 26–43. DOI: 10.31857/S0869541523060039
- Goody, J., Watt, I. (1963). The consequences of literacy. *Comparative Studies in Society and History*, 5(3), 304–345.
- Wertsch, J. V. (2008). Collective memory and narrative templates. *Social Research*, 75(1), 133–156.

References

- Glazkov, K. (2013). Mental maps: ways of analysis, error and spatial metrics. *Sociology of Power*, 2013(3), 39–56. (In Russian).
- Goody, J., Watt, I. (1963). The consequences of literacy. *Comparative Studies in Society and History*, 5(3), 304–345.
- Petrov, N. (2021). Digital archives of private memory. *Shagi / Steps*, 7(1), 29–56. DOI: 10.22394/2412-9410-2021-7-1-29-56. (In Russian).
- Radchenko, D. (2023). Objects on the Memory Borders: Between Tilsit and Sovetsk. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023(6), 26–43. DOI: 10.31857/S0869541523060039. (In Russian).
- Radchenko, D. (2021). A view on the EU: border practices in Sovetsk. *Urban Folklore & anthropology*, IV(1–2), 14–39. DOI: 10.22394/2658-3895-2021-4-1-14-39 (In Russian).
- Wertsch, J. V. (2008). Collective memory and narrative templates. *Social Research*, 75(1), 133–156.